

С. А. Фостова

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
В ЭКСПОЗИЦИИ КАЛИНИНГРАДСКОГО
ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ (1946—1991)

На основе не исследованных ранее архивных документов и материалов региональной прессы рассматривается процесс создания и последующей трансформации исторической экспозиции Калининградского областного историко-художественного музея. Анализ музейных стендов, посвященных прошлому края, позволил выявить политико-идеологический контекст развития музейного дела в регионе, охарактеризовать содержание осуществляемой властями политики памяти и проследить те изменения, которые происходили в региональном историческом сознании с первых послевоенных лет вплоть до Перестройки.

67

Relying on previously unexamined archival documents and regional press materials, I consider the creation and later transformations of the historical exposition at the Kaliningrad Regional Museum of History and Art. Analysis of exhibition boards dedicated to the past of the region reveals the political and ideological context in which local museums developed. Moreover, it renders it possible to describe the politics of memory pursued by the local authorities and trace changes that took place in the regional historical consciousness from the first post-war years until Perestroika.

Ключевые слова: музей, экспозиция, политика памяти, Калининградская область, Восточная Пруссия.

Keywords: museum, exposition, politics of memory, Kaliningrad region, East Prussia.

«Калининград требует не только восстановления, но и реконструкции в духе советской идеологии, советских принципов планировки и проектирования городов, искоренения прусского духа города» [9, с. 2]. Этот призыв из публикации в газете «Калининградская правда» за 1947 г., по сути, не только демонстрировал стремление радикально изменить облик города, но и отражал общее отношение как властей, так и новых жителей к прошлому Восточной Пруссии.

С изменением государственной принадлежности для бывшей немецкой провинции начался новый отсчет времени и история края до 1945 г. официально перестала существовать. Как отмечает Н. А. Кочеляева, подобная практика «принудительного забвения» зачастую «оказывается на службе создания новых идеологических парадигм и ценностей, им соответствующих» [15]. Одним из трансляторов ценностных установок является музей, который выступает, «с одной стороны, в качестве места памяти и, с другой стороны, как инструмент исторической политики» [18, с. 16].

В региональной историографии имеется ряд работ о политике памяти, однако они, как правило, ограничиваются первыми послевоенными годами и основываются на анализе прессы и деятельности образовательных учреждений [6; 7; 12–14]. Цель настоящей статьи — охарактеризовать создание и последующие изменения исторической экспозиции областного музея как одного из инструментов политики памяти. Исследование выполнено на основе изучения неизвестных ранее документов из фондов научного архива музея и областного архива, а также по материалам местной прессы.

Калининградский областной краеведческий музей был создан 7 августа 1946 г. Почти все находившиеся в Кёнигсберге музейные ценности были либо вывезены немцами в Германию, либо не пережили ударов английской авиации в последний год войны, а немногие уцелевшие вещи оказались в частных руках. Впрочем, связанные с прусским и немецким прошлым артефакты не представляли интереса для советских музейных работников в связи с курсом новых властей на «изгнание прусского духа» [12, с. 62]. Вот почему фонды музея на первых порах комплектовались исключительно из реликвий Великой Отечественной войны. В 1949 г. музею было предоставлено здание бывшей певческой капеллы по ул. Б. Хмельницкого. Первая постоянная экспозиция была открыта в день пятилетия области — 7 апреля 1951 г., раздел «История» в ней отсутствовал [16, с. 20]. Историческую часть первоначально планировалось открыть в июне 1952 г. [1, д. 5, л. 1], тематический план включал четыре раздела: «Первобытно-общинный строй», «Раннее Средневековье», «Немецкая агрессия в XII—XIII вв.» и «Семи-летняя война».

Для каждого раздела экспозиции указывалась его цель, определялась трактовка исторических событий, а также акценты, которые следовало расставить. Так, к примеру, при демонстрации первобытно-общинного строя следовало «ярко выделить основной момент: население Калининградской области с древнейших времен автохтонное» [1, д. 6, л. 21], что должно было подтвердить его права на данную территорию. В теме «Раннее Средневековье» рекомендовалось продемонстрировать, что «территория Восточной Пруссии издревле была заселена славянскими племенами, которые стояли на довольно высокой ступени социального развития» [Там же]. Тем самым пропагандировался тезис о славянской земле, сформулированный И.В. Сталиным для обоснования присоединения территории Восточной Пруссии к СССР и Польше [19, с. 169].

В архивное дело с темпланом были подшиты отзывы на него специалистов из Государственного исторического музея в Москве и Калининградского пединститута. Эксперты обращали внимание на некорректные формулировки и несоблюдение хронологических рамок. Предлагалось дополнить план новыми темами: от основания Кёнигсберга до деятельности Э. Тельмана. Самыми существенными недостатками справедливо назывались фрагментарность материала и отсутствие вещественных экспонатов, без которых экспозиция превращалась в «выставку бумаги» [1, д. 6, л. 32–39].

В последующих разработках указанных ошибок старались избегать. Так, в тематической экскурсии 1955 г. научного сотрудника отдела истории А. Е. Цыганковой (будущего директора музея) упоминалось об основании крепости Кёнигсберг, правда не без идеологических штампов: «За мрачными стенами замка прятались крестоносцы от восставшего народа, сюда сгонялись пленные, отсюда с крестами и молитвой, с огнем и мечом совершали они свои разбойничьи набеги на племена Пруссии». Не обошлось и без неточностей: «...рядом с замком выросло 3 слободы: Альтисразт, Нейгитадт и Кнайпхов» (вместо: Альтштадт, Лёбенихт, Кнайпхоф) [1, д. 4, л. 19].

Планы музейной экспозиции принимались и тщательно проверялись представителями обкома КПСС, управления культуры и обллита «с точки зрения их содержания в политико-идеологическом отношении и соблюдения требований по охране государственных и военных тайн» [1, д. 6, л. 1]. В архиве музея сохранились документы с замечаниями по тематическому плану отдела истории, разработанному в первой половине 1950-х гг. Так, рядом с информацией об объединении Тевтонского и Ливонского орденов красным карандашом выведено: «А где военный союз прибалтов и русских? 1216–1220 гг.», а там, где говорилось о намерении проиллюстрировать деятелей Семилетней войны бюстом Фридриха II, красный карандаш оставил замечание: «Зачем такая роскошь для него?» [1, д. 1, л. 37, 72].

Очередной план экспозиции музея был подготовлен в 1955 г., в нем «история советского периода» была раскрыта лишь частично. Как сказано в отчете, на полноценный раздел истории «у музея не хватило ни сил, не средств» [3, д. 49, л. 8]. Сам план не сохранился, но представления о нем можно составить по заключению сотрудника НИИ музееведения А. М. Разгона.

В первую очередь эксперт признавал «исключительную сложность» создания исторической экспозиции в Калининграде, наличие «специфических трудностей», которые были связаны с малой изученностью региона и созданием музея с нуля. Осложняло ситуацию и то, что «история этого района подвергалась многообразным фальсификациям, предпринимавшимся немецко-фашистской буржуазной исторической наукой» [1, д. 6, л. 2]. Воссоздание же «подлинно научной истории области на доказательном материале памятников-первоисточников могло бы иметь огромное научное и политическое значение» [Там же].

Снова обнаружилось проблемы с хронологией. В раздел «Ливонская война», не имеющий, по мнению А. М. Разгона, «прямой связи с тематической структурой музея», попали материалы о Великом посольстве в Пруссии, Северной войне и других сюжетах, относящихся к XVIII в. В разделе о Семилетней войне рецензенту показалось «совершенно не понятно» появление портретов А. Болотова, Е. Пугачева и др. «Экспонирование миниатюры с изображением А. Болотова – агронома и издателя агрономических журналов, – говорилось в отзыве, – объясняется, по-видимому, тем, что он участвовал как офицер в Семилетней войне и описал отдельные ее события в “Записках”. Однако это

не основание для экспонирования в данном разделе, тем более он никак не отличился на военном поприще» [1, д. 6, л. 6–7; д. 1, л. 69]. Появление портрета Пугачева было расценено А.М. Разгоном как «вообще необъяснимое», хотя в другой музейной справке говорилось, что Е. Пугачев «был начальником караула Кёнигсбергского замка» [Там же, л. 66]. Однако достоверных источников о его пребывании в Кёнигсберге нет. Возможно, сотрудники музея попали под обаяние исторической эпопеи В.Я. Шишкова «Емельян Пугачев».

Одновременно на музей возлагалась задача постоянного обновления экспозиции советского периода, с чем сотрудники не всегда успевали справляться. Так, в начале 1963 г. на собрании партячейки прозвучала критика по поводу того, что все еще не сделан стенд о XXII съезде партии, который прошел два года назад [2, д. 2, л. 57].

Таким образом, создание исторической экспозиции краеведческого музея продвигалось с немалыми трудностями: классические музейные пособия не подходили для представления истории *особого* региона, в фондах не хватало экспонатов, исторические интерпретации черпались из арсенала военной пропаганды, не удалось выработать единую музейную концепцию, которая «склеила» бы разрозненные элементы экспозиции и позволила эффективно влиять на историческую память калининградцев.

Между тем историческая экспозиция была востребована горожанами, в особенности школьниками, студентами техникумов и пединститута [3, д. 106, л. 4]. Ведь областное лекторское бюро только разрабатывало данную тематику, а первая книга по краеведению была издана лишь в 1959 г. [12, с. 94]. Позже музею также стала отводиться большая роль не только в развитии краеведения, но и в организации туристического дела [4, д. 3, л. 2].

К 1965 г. экспозиция историко-художественного музея занимала площадь 420 м² и располагалась в 8 залах. Фонды музея насчитывали 30 тыс. экспонатов, большая часть из которых относилась к вспомогательным фондам, а экспозиция по-прежнему оставалась фрагментарной [3, д. 294, л. 101–102]. В это время А.Е. Цыганковой был составлен очередной проект тематико-экспозиционного плана, о котором нам известно по рецензии заведующей кафедрой истории Калининградского пединститута Э.М. Колгановой.

В рецензии отмечается, что новый план «существенно отличается от построенной ранее экспозиции», в него включены разделы, без которых экспозиция выглядела «крайне клочковато». Главный посыл экспозиции, который будет воспроизводиться и в дальнейшем, — «показать захватническую политику немецких феодалов, а затем германских империалистов на Востоке, логически подвести посетителей к пониманию исторической неизбежности краха такой антинародной политики империалистов Третьего рейха». Предлагалось взять на вооружение марксистское учение об общественно-экономических формациях, разделив экспозицию на три крупные темы: «Первобытно-общинный строй на территории области», «Восточная Пруссия в период феодализма» и

«Восточная Пруссия в период капитализма». Для актуализации представленных в музее материалов рецензент предлагала «подумать над тем, чтобы дать хорошую концовку для всей экспозиции, сделать там необходимые политические выводы из германской агрессии в Восточной Европе, увязав их с современной реваншистской политикой империалистов ФРГ и их покровителей» [1, д. 7, л. 1–4].

Другой рецензент, специалист по музейному делу З.А. Огризко, сделала несколько частных замечаний, но разразилась филиппикой по поводу стенда о Восточно-Прусской операции 1914–1915 гг., центральным объектом которого планировалось сделать бронзовый барельеф Танненбергского мемориала: «Текст раскрывает лишь одну сторону войны — тяготы для трудящихся, но не содержит характеристики ни германского, ни русского империализма. Все “бесславию” относится к русской армии. Немецкая армия получает характеристику победительницы. Недопустимо экспонирование фотографии мавзолея усыпальницы, который был задуман как символ мощи германского империализма» [Там же, л. 12–13].

И все-таки 1965 год ознаменовался для музея созданием качественно нового, более продуманного плана экспозиции. В перечень представленных исторических событий включались все дозволенные и соответствующие «Краткому курсу истории Восточной Пруссии» [14, с. 25–29] события, преимущественно связанные с войнами и «русским следом» в истории региона. В конечном счете была артикулирована главная мысль всей экспозиции досоветского периода: история Восточной Пруссии — это история насилия и агрессии, которой должен был прийти конец. Этот посыл составил ядро всех последующих вариантов исторической экспозиции музея.

В 1970 г. музей переехал в здание по новому адресу — ул. Горького, 113. Экспозиционное пространство насчитывало 13 залов, но лишь 4 из них были посвящены истории [10]. Историческая экспозиция по этому случаю не претерпела значительных изменений и с каждым годом стала вызывать все больше критики. Даже в официальных отзывах ее оценивали как «перенасыщенную» и «перегруженную экспонатурой», страдающую «мелкотемьем», «слабую в техническом отношении» [1, д. 2, л. 29]. Все эти недостатки призвана была преодолеть новая экспозиция, которая должна была разместиться на площади в 4,5 раза большей предыдущей, в историческом здании на ул. Клинической, бывшем Штадтхалле, которое еще предстояло отреставрировать [Там же, л. 14].

К разработке принципов будущей экспозиции подключилась общественность. В 1981 г. свои предложения направила калининградская писательская организация во главе с Ю. Ивановым. На взгляд литераторов, экспозиция должна была отражать как немецкую, так и советскую историю: от городища Твангсте до бункера «Вольфшанце», от литовского поэта Людвикаса Резы до первого секретаря обкома КПСС В.Е. Чернышова, от бегемота Ганса из Кёнигсбергского зоопарка до творческих организаций современного Калининграда [Там же, л. 121–123].

Проект научной экспозиции 1982 г. представлял прошлое и настоящее края в пяти разделах:

- «Самая западная, орденоносная» (вводный раздел);
- «История края – история борьбы народов против агрессии» (X в. до н. э. – конец 1930-х гг.);
- «Восточно-Прусская операция советских войск» (август 1944 – май 1945 г.);
- «Образование, становление и развитие Калининградской области» (1946–1990 гг.);
- «Природные условия и ресурсы области» [1, д. 2, л. 31].

Основная идея экспозиции на этот раз была обозначена совершенно точно: показать генезис и развитие германской восточной экспансии («Drang nach Osten»). Другим лейтмотивом стало «претворение в жизнь советским государством ленинских принципов отношения к культурному наследию. <...> Получив должное отражение в экспозиции музея, памятники будут служить целям развития науки, народного образования и культуры, формированию высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного и эстетического воспитания трудящихся» [1, д. 12, л. 3–4].

Как следует из протокола обсуждения эскизов новой экспозиции 25 апреля 1984 г., ленинские слова о бережном отношении к культурному наследию стали той лазейкой, благодаря которой можно было вести рассказ о табуированном довоенном прошлом края. «Через памятники мы покажем историю», – утверждала одна из авторов концепции Т.И. Шумакова [1, д. 2, л. 20]. Такой разумный подход позволил в какой-то степени легализовать деятельность сотрудников музея по выявлению и сохранению памятников культуры, которой они фактически занимались в течение предшествующих десятилетий [5, д. 1, л. 41–45].

Не обошлось и без нововведений. В экспозицию впервые был включен сюжет о декабристах и о русских поэтах времен антинаполеоновской кампании, появился рассказ о взаимодействии российского и немецкого пролетариата, коммунистических партий в 1920–1930-е гг. Особенностью раздела о Великой Отечественной войне была попытка показать «освободительную миссию Советской армии, решение задачи по уничтожению многовекового очага агрессии в юго-восточной Прибалтике» [1, д. 2, л. 28, 39, 55].

Последним историческим разделом экспозиции стал современный этап развития области с 1965 г., который характеризовался как «эпоха развитого социализма» и раскрывался посредством стандартных для всех тогдашних музеев тем: совершенствование политической системы, рост народного благосостояния, освоение Нечерноземья и т. д. [Там же, л. 41].

В целом к середине 1980-х г. концепция музейной экспозиции, добавив некоторые новые сюжеты и подробности, сохранила прежнюю, родившуюся еще в 1940-е гг., идеологическую и методологическую основу. Досоветская история края трактовалась как постоянное нарастание «немецкого натиска на Восток», закончившееся в 1945 г. крахом и полной сменой вектора развития с реакционного на прогрессивный [14, с. 51].

Вторая половина 1980-х гг. ознаменовалась в СССР введением политики гласности. Калининградская специфика состояла в том, что наряду с общесоюзными сюжетами на страницах газет стали в большом числе появляться статьи о прошлом Восточной Пруссии. Среди публики распространялись сочинения местных краеведов и активистов об отношении к историко-культурному наследию. В одном из них, опубликованном в «Калининградском комсомольце», с укоризной замечалось, что «история города в краеведческом музее начинается с 1946 года», а сведения о довоенном прошлом «можно получить только подпольным путем» [20, с. 4]. При этом известно, что любители истории тайком использовали для тиражирования краеведческой информации множительную технику в учреждениях и даже приспособили «фотолабораторию в редакции партийной газеты “Калининградская правда” для копирования фотографий и карт старого Кёнигсберга» [8, с. 187].

Однако, несмотря на общественные новации, музей в 1986 г. по инерции выпустил брошюру-путеводитель, где представлена прежняя интерпретация истории края [11].

Необходимость радикальных перемен в музее фиксируется в официальных документах только в 1989 г., поскольку, как говорилось в постановлении коллегии управления культуры облисполкома от 27 апреля, «изменились общественные взгляды на развитие социализма в нашей стране» и в связи с этим требовалась разработка актуальной концепции раздела советского периода, а также новых подходов к истории досоветского периода области. Признавалось, что «в течение всех лет существования музея сбор и комплектование фондов по этой теме были сориентированы на крайне узкую тему “Памятники славы русского оружия”. В результате имеющаяся коллекция очень ограничена экспонатами, время на их сбор упущено, материалов по истории, экономике, быту, культуре, науке Восточной Пруссии в фондах музея очень мало. Между тем интерес к истории края у населения очень широк» [3, д. 905, л. 7].

К концу 1980-х гг., как замечает исследователь музейного дела С. А. Потапова, советские музеи «оказались на распутье», так как их концептуальное устройство зиждилось на «ложных» основах, а «новые концепции и общие пути дальнейшего развития только предстояло выработать» [17, с. 81]. В эти годы калининградский музей также попал в «зону турбулентности», но в то же время у коллектива музея появился мощный импульс для развития. В 1989 г. в музее прошла скромная, но знаковая выставка под названием: «Кёнигсберг. Город и время» [1, д. 9, л. 22–29.]. На ней были впервые представлены книги, гравюры, открытки о Кёнигсберге, изделия кёнигсбергских ремесленников. Работы над экспозицией велись вплоть до 1991 г., когда 14 сентября в новом здании бывшего немецкого концертного зала открылась первая экспозиция [21, с. 120].

Таким образом, областной краеведческий музей, будучи на протяжении десятилетий единственным центром изучения истории края, формировал представление о ней у жителей региона и туристов. Вме-

сте с тем оставленная войной психологическая травма надолго определила курс «директивного забвения» немецкого периода истории, что способствовало формированию фрагментарных, частично искаженных исторических представлений о прошлом края. Годы ушли на отбор тем, интерпретаций, создание единой концепции, которые соответствовали бы утвержденному идеологическому курсу. В итоге история региона была представлена по канонам марксистской формационной теории в русле общесоветского нарратива, через показ неотвратимости поражения немецких захватчиков и старого буржуазного строя, глорификацию Победы и демонстрацию достижений социализма. Вместе с тем с периода «оттепели» по инициативе сотрудников музея началось постепенное включение в экспозицию отдельных исторических сюжетов и артефактов многонациональной довоенной культуры края. Эта тенденция усилилась в годы гласности и Перестройки, которые задали новые современные ориентиры объективности и научности в познании и публичной презентации истории, в том числе региональной.

Список литературы

1. *Архив* Калининградского областного историко-художественного музея. Ф. 1. Оп. 3.
2. *Государственный архив* Калининградской области (далее — ГАКО). Ф. П-4089 (Парторганизация Калининградского областного краеведческого музея). Оп. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-68 (Управление культуры Калининградского облисполкома). Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. Р-153 (Калининградский областной совет по туризму и экскурсиям). Оп. 1.
5. ГАКО. Ф. Р-615 (Калининградское областное отделение ВООПИК). Оп. 1.
6. *Дементьев И.О.* «Разделенная история»: изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // Балтийский регион. 2015. №4. С. 105—120.
7. *Дементьев И.О.* Цензура как инструмент политики памяти в Калининградской области советского периода // Калининградские архивы. 2016. №13. С. 98—110.
8. *Дементьев И.О.* «Что я могу узнать?»: формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х — 1980-е годы) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. Вып. 6. С. 175—218.
9. *Дыховичная Н.* Неотложные вопросы восстановления и планировки Калининграда // Калининградская правда. 1947. 30 июля.
10. *Калининградский* областной краеведческий музей: путеводитель / ред. Л.Г. Зайчикова. Калининград, 1976.
11. *Калининградский* областной краеведческий музей. Калининград, 1986.
12. *Костяшов Ю., Маттес Э.* Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Калининград, 2003.
13. *Костяшов Ю.В.* Политика памяти в Калининградской области в послевоенные годы // Культура и власть в СССР. М., 2017. С. 289—297.
14. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг. Калининград, 2009.
15. *Кочельева Н.А.* Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе // Культурологический журнал. 2012. №1. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/107.html&j_id=9 (дата обращения: 10.05.2018).

16. *Музеи Калининградской области: справочник* / ред. В.Л. Стрюк. Калининград, 2005.
17. *Потанова С.А.* Преобразование музеев политической истории как отражение государственной политики России: 1917 – 2009 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
18. *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. №2. С. 16 – 21.
19. *Советский Союз* на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг. М., 1978.
20. *Храпна В.* Мы – народ // Калининградский комсомолец. 1988. 23 апр. С. 4, 9.
21. *Якимов С.А.* Дом, в котором живет история. Калининград, 2017.

Об авторе

Сюзанна Андреевна Фостова – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: fostsa@gmail.com

The author

Suzanna A. Fostova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: fostsa@gmail.com